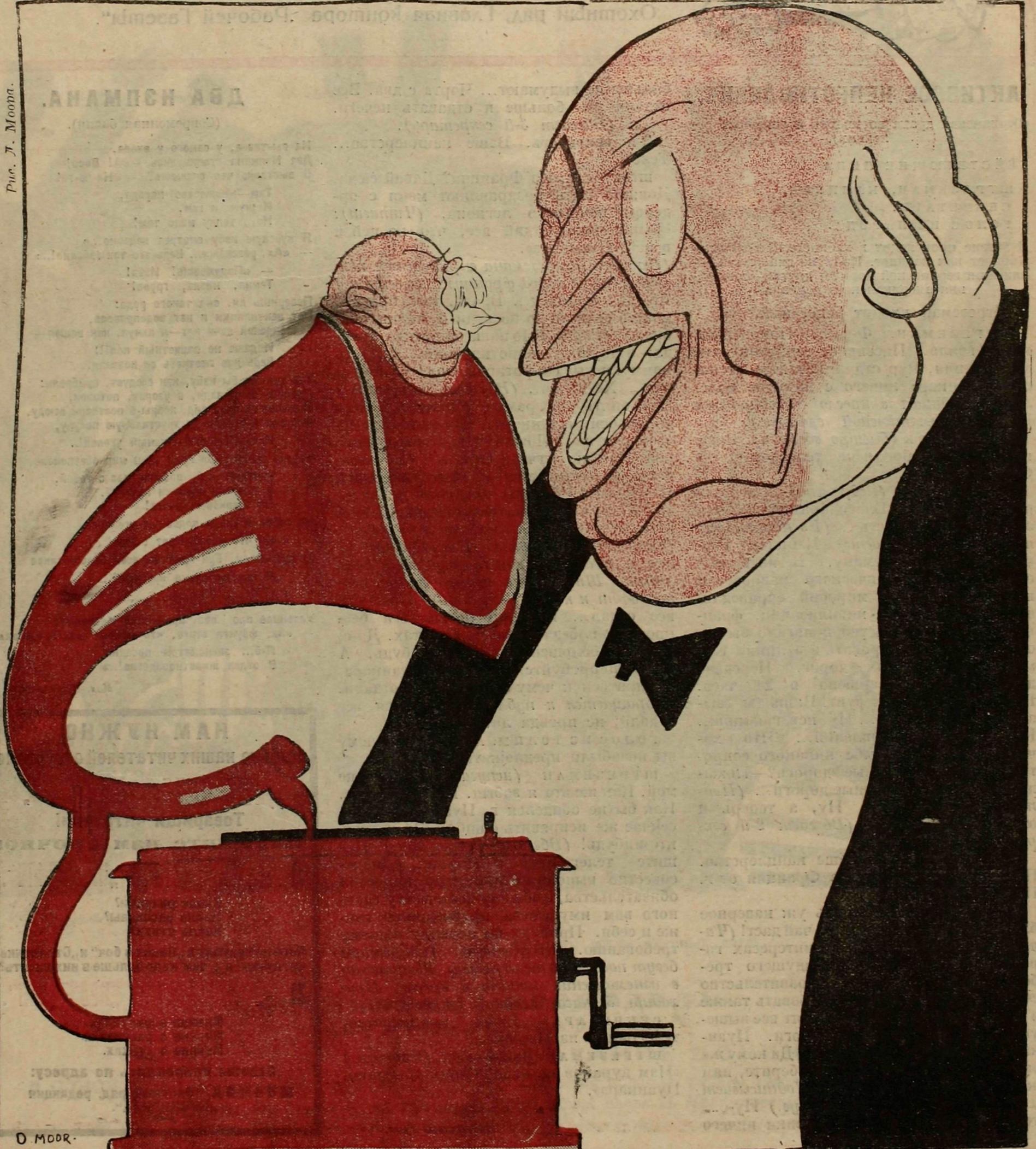

КРОКОДИЛ

ПУАНКАРЭ-ГРАММОФОН.

По числу произнесенных им речей Пуанкаре давно уже побил рекорд всех других «словосохливых» государственных деятелей.

ФРАНЦУЗСКИЙ БУРЖУА:—Одна и та-же пластинка, а я готов слушать ее без конца...

На аэроплан „Крокодил“.

Из пожертвований, присланных читателями, Крокодил сделал два крыла и два колеса.

Товарищи-рабочие Москвы, Петрограда, Урала, Тулы, Донбасса, Екатеринослава, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Твери,—Крокодилу необходим также и мотор.

Присылайте пожертвования на мотор по адресу: Москва, Охотный ряд, Главная контора „Рабочей Газеты“.

АКТИВНОЕ НЕПРОТИВЛЕНИЕ.

(Германская драма во многих и скверных явлениях).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ШТРЕЗЕМАН, КАНЦЛЕР.
СЕКРЕТАРИ.
ГОЛОС ИЗ НАРОДА.

Действие происходит в кабинете Штреземана. Кабинет как кабинет. На стене диаграмма понижения германской марки и другая—повышения американского доллара.

Штреземан входит радостный.

ШТРЕЗЕМАН. Ф-фу... Наконец-то, наша взяла. Пассивное сопротивление упразднили, Рур отдали, теперь господин Пуанкарэ ничего с нами не поделает. (Садится в кресло и собирается упить безмятежной властью).

СЕКРЕТАРЬ (быстро вбегает). Ваше канцлерство, получена телеграмма из Франции...

ШТРЕЗЕМАН (небрежно). А-а... хорошо... хорошо... Благодарят должно быть за мою деятельность... (Распечатывает телеграмму и читает.) «Канцлеру Германии г. Штреземану. В интересах сохранения политического равновесия в Европе, во имя мировой справедливости и интересов цивилизации, французское правительство полагало бы необходимым оккупировать все линии германских железных дорог. Передача должна быть совершена в 24 часа. Пуанкарэ». Вот так фунт. Вишь ты—вызывает нас на драку... Ну, нет, шалишь... Никаких сопротивлений... Что хочешь,—бери—нет тебе никакого сопротивления... Железные дороги?—Пожалуйста, берите железные дороги... (Подписывает бумагу)... Ну, а теперь и отдохнуть можно... (Вбегает 2-й секретарь.)

2-й СЕКРЕТАРЬ. Ваше канцлерство. Получена телеграмма из Франции от г. Пуанкарэ.

ШТРЕЗЕМАН. Ага. Теперь уж наверное благодарит. Пожалуй, и на чай даст! (Читает)... Гм... Что?... «В интересах гарантии выполнения предыдущего требования, французское правительство считает необходимым потребовать также и земли, по которым проходят все вышеупомянутые железные дороги. Пуанкарэ»... Земли... (Радостно.) Да кому же они нужны?... Пожалуйста, берите, нам же легче будет управлять. (Подписывает и садится, облегченно вздохнув.) Ну-с... теперь уже господу французики ничего

больше не выдумают... Чорта с два. Все отдали им—больше и отдавать нечего. (Вбегает 3-й секретарь).

3-й СЕКРЕТАРЬ. Ваше канцлерство... Теле...

ШТРЕЗЕМАН. Из Франции? Давай сюда. Должно быть, поздравляют меня с орденом почетного легиона. (Читает): «Земли мало. Отдай все, что на ней и в ней. Пуанкарэ».

(На лице Штреземана выражается полный восторг перед французским гением.) Ай-да молодец... Братъ, так братъ... можно сказать до последней нитки обобрал... (Гордо.) Но наша политика тверда:—никаких сопротивлений... Пусть коммунисты сопротивляются, если хотят... Хе-хе-хе... (Вбегает секретарь.) Что, опять телеграмма? (Читает.) «Жен и дочерей. Пуанкарэ». Ну—это уж совсем пустяки. Пожалуйста—жен и дочерей. Нам же легче... Отдать... (Вбегают десятки секретарей с телеграммами). Что у вас? «Могилы предков», а дальше? У вас что? Атмосферу? Отдать. У вас? Штаны? Отдать... Отдать... отдать... (Секретари убегают. Пауза длительная и тяжелая, как предчувствие революции. Штреземан хитро улыбается, подходит к карте Германии). Кажется, все отдал... Вот это называется бескровная победа на всех фронтах. Да-с, мы не большевики какие-нибудь. А ну-ка попробуйте, господин Пуанкарэ, придраться к чему-нибудь. Все отдали. (Обращается к публике.) Кажется, все отдали, не правда ли?

голос из толпы. А себя-то почему вы позабыли предложить Франции?

ШТРЕЗЕМАН (испуганно). Ах, Боже мой. Как же это я забыл. Вот несчастье. Как бы не обиделся г. Пуанкарэ. Надо сейчас же исправить ошибку. Эй, люди, кто-нибудь! (Вбегают секретари.) Пишите телеграмму в Париж: «Добросовестно выполняя принятые на себя обязательства, к общему количеству сданного вам имущества присоединяю также и себя. Прибуду по первому вашему требованию. Штреземан». (Секретари бегут посылать телеграмму. Штреземан в изнеможении падает в кресло. Проходит 3 часа, входит секретарь.)

СЕКРЕТАРЬ. Ваше канцлерство, телеграмма из Парижа.

ШТРЕЗЕМАН. Давай сюда. (Читает.) «Нам дураков не надо. Своих довольно. Пуанкарэ».

З А Н А В Е С .

Задумчивый Галл.

ДВА НЭПМАНА.

(Современная басня).

На выставке, у самого у входа, Два Нэпмана столкнулись.—«А! Вово! О выставке что скажешь?»—«Ни-че-го!»

Там—множество народа,
И шум, и гам,
Но... толку мало там!

Я нурскую избу смотрел недавно... — «Ах, расскажи... Ведь это так забавно!»

— «Подумаешь! Изба! Темна, низка, груба!»

Поверишь ли, она такого рода: Нет вентиляции и нет водопровода, Голландской печи нет—я ахнул, как вошел— И даже не паркетный пол!!!

Ведь нас позвать, ее позвали,

Так раньше бы избу, как следует, прибрали: Лепной бы сделали, в узорах, потолок, Зеркальных окон ряд, ковры-б постлали всюду, Поставили-б на стол хрустальную посуду,

И был бы это—чудный уголок!..

Не гнусно ли, Гри-Гри? Наш мир обеспокоив, Смотреть избу позвали нас с тобой, А там—ни спальни голубой, Ни шелковых обоев!

Не видел я давно подобных уголков.

Но что изба? Чорт с нею!

Поверишь ли, Гри-Гри? За всех большевиков Я положительно краснею!!!»

Услышав про ово, промолвил Крокодил: — «Эх, фрунта этого, что полон «благородства», Я-б... экспонатом посадил В отдел животноводства!..»

Мих. Пустынин.

НАМ НУЖНО
мнение наших читателей о журнале

„КРОКОДИЛ“.

Товарищи читатели!

Напишите нам срочно:

1) ЧТО НЕ ПРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“.

Какие рисунки?
Какие рассказы?
Какие стихи?

Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?

2) ЧТО ПРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“.

Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах.
Мнение о стихах.

Ответы направлять по адресу:
МОСКВА, Охотный ряд, редакция
„КРОКОДИЛА“.

Политическая арифметика.

В Германии близятся решающие бои. Во всех городах организуются «пролетарские сотни» для самообороны рабочих. Из Берлина и вообще из Германии идет волна эмигрантского переселенчества.
Из газет.

Рис. М. Черемных.

БЮРО ПО ЭМИГРАЦИИ БУРЖУАЗИИ

М. Черных 23

Одна «пролетарская сотня» способна напугать сотни «черных сотен»...

„БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА“.

Вышло из печати и поступило в продажу:

Демьян Бедный — СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ОДНОМ ТОМЕ, заключающем в себе свыше 400 стр. Красочная обложка работы художника В. Сварога. Вступительная статья К. С. Еремеева. Кратический очерк Л. Войтоловского.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ „КРОКОДИЛА“.

Рис. Ив. Малютин.

Товарищи М. И. Рогов, Л. Б. Каменев и П. Я. Лавров.

ГУБПОМКОП

Товарищу Присноблаженкову очень долго не давали никакого хода. При его несомненных способностях к производству финансовых операций и коммерческих оборотов это казалось несправедливым...

Третьего дня товарищ Присноблаженков отозвал меня и Цыпкина в уголок:

— Цсс-цсс!.. Идите сюда: что-то скажу. Есть дело. Детали разработаны пока только вчерне, а в общем и целом — ГУБПОМКОП! Понимаете?

— Ни черта! — откровенно сознался Цыпкин.

— Что такое ГУБПОМКОП? — деловито осведомился я.

Присноблаженков удивленно выкатил глаза:

— ГУБПОМКОП что такое?.. Да все! Smyчка с деревней! Оздоровление госторговли! Развитие кооперации! Разгром частных пред-

принимателей! Социалистическое накопление! Ясно?

— Н-не совсем, собственно говоря... — пробормотал Цыпкин.—ГУБ...ПОМ... как его дальше-то?

— КОП... Кооперация, кооператив. В первый раз слышите, что ли?

— Ага! ГУБ...ПОМ... Губернская помощь кооперации?

Присноблаженков замотал головой:

— Ничего подобного. Никакая не губернская, ну ее к дьяволу, помощь, а обыкновенная губная помада! Кооператив, торгующий губною помадой. Широчайшая организация! Отделения как в селах, так и в горо.

— Постой,—перебил я,—а сбыт? Уверен ли ты, что именно губная пом...

— А монополия? — перебил Присноблаженков.— Само собою разумеется, что вся торговля губною помадой должна быть сосредоточена

исключительно в руках ГУБПОМКОП,а. Только у нас! Никакое другое учреждение или предприятие, ни частное, ни государственное, не имеет права отпускать населению губную помаду. Ни за какие червонцы! За губную помадою—только к нам, в ГУБПОМКОП: пожалуйста-с, по червонцу за баночку-с, хихе-хо!..

Мы с Цыпкиным переглянулись. Присноблаженков прищурился и сказал:

— По-вашему, дорого? Но дешевле нельзя. Во-первых, у нас монополия. Во-вторых, торговля должна давать доход. Наконец, в третьих, это необходимо в интересах смычки с крестьянством!

— Smyчка-то тут какая же? — удивились мы с Цыпкиным.

— Обыкновенная,—снисходительно пояснил Присноблаженков.—Крестьянство страдает от низких цен на хлеб: так?... Но если мы будем брать с мужика по червонцу

за банку губной помады, то ему поневоле придется продавать свой хлеб гораздо дороже прежнего! Иначе—чем же он будет жить? Не забывайте, что одной губной помады хватает только на месяц, и что в год мужику потребуется их не меньше двенадцати..

С арифметикою не спорят. Тем не менее мы с Цыпкиным, после некоторого размышления, отказались войти в правление ГУБПОМКОП,а:

— Времени, знаешь ли, нет... Да и вообще, какие же мы кооператоры?

Товарищ Присноблаженков рассердился:

— Эх, вы, обыватели!.. Из-за вашей косности такое хорошее начинание тормозится!

Но, может-быть, оно и не затормозится. Люди у нас, все-таки, есть. Не сошелся же клином свет на одном товарище Присноблаженкове?..

Грамон.

Преображение св. Ары.

«В глазах простого русского народа АРА была божьим чудом, пришедшим в самый мрачный час их жизни в сиянии американского флага...»

Из письма бывш. директора АРА—подполковника Хаскеля.

«Подполковник Хаскель получает вышнее назначение в департаменте военных разведок.»

Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

Спереди—блажен муж, а сзади вскую шаташася.

I.

Лето. Год 21-й. Кубань. Полдень. Зной.

Море лижет песчаную кайму пустынного берега. Тяжко дышит стеклянной глубиной—и ему тоже жарко.

С моря тянет смолой и рыбой, а с прибрежных бугров горько-сладкой нагретой полынью, чебрецом и душистыми травами.

Тихо и сонно кругом. Только в овраге шуршат кусты,—там бродят тяжелыми глыбами серо-голубые бугаи-буйволы, да на самом берегу, в горячем песке, копошатся две голых фигуры, прячась от зноя под черным бортом просмоленного баркаса, сохнувшего пухом вверх на солнце.

Вьется едкий дымок с тютюна-самосадки и идет медлительно важный разговор.

Сам «предисполком» с Верхней Балки, Харитон Козолупа, дюжий казак с волосатой могучей грудью и обгорелой бычьей шеей, «угощает» купаньем почетного гостя, тоже «преда» станицы Семиглуховской, дядьку Ничипора Задерживостенко.

— А шо, сосед, вы, туге, послали до как ее... сводку «культпросвиту» городу.

— А будь вона трекляты со своими гумажками,—лениво сердится гость.— Шо ни день, то и десять бумаг с городу, о том, о сем... То «бандюков» им считай,—много ли, то эту... як ее... антерелтльозность подтягивай... Да на всякую отвечай,—аж секретарь по губу в черниле ходит, а у мене и рука затерпла, тыи гумаги подписуваты... Потому хвამилие мое знатно длинное,— Задерживостенко, да еще Ничипор,— ось как,—пока подписнешь,—в пот вгснит... Больше трех гумаг в день никак не подпишу, а надобно десять... Хорошо вам, дядько, вы короткий на подписи.

— А мне тыи гумаги все равно, что тыфу. Я их до черта могу подписать,— хитро смеется хозяин.

Роется в бездонных штанах и, зажав что-то в кулак, подносит гостю.

— Ось. Этой штукой я сто в день могу подмахнуть...

На ладони у него деревянная бабашка, а на ней клише—подпись, по линолеуму вырезанная. Козолупа достает из кисета клоч бумажки, расправляет на голом колене, слюнит зачерниленную печатку и тискает дважды.

— Ось як. Ось як. Во, побачите.

На бумажке хитрая четкая подпись с хвостом и росчерком:

— Козолупа, Козолупа.

Хозяин победоносно гогочет. У гостя дух сперло от зависти. И он вкрадчиво говорит:

— А... може... сменяемся. А? Вы б мне машинку, а я б вам того кабанчика, что от пестрой свинки. А?..

— Кабанчик, оно, конечно, вещь, но только, дядько, это будет ни к чему, потому печатка-то только мое хвამилие может.

— А мое ни.—огорчается гость.

— Ни. Треба другую заказать у городе,—поясняет снисходительно Козолупа.

Гость впрыгнул уже в штанины, затянул очкур, шапка в руках, торопится.

— А ну идем швидче до дому... Раскажите мне все...

II.

В городишке на окраине безработный художник Черкизов,—голодный, сутулый и длинный,—чистый циркуль в штанах,—стрипогибелился за спешной работой.

Перед ним кусок линолеума. Ковыряет, скребет и режет,—оскретки дождем по очкам щелкают—спешный заказ.

Затаив дыхание, смотрит заказчик, как из-под острого ножичка появляется буква за буквой.

— «Никифор За-де-ри-х-в-и-с-т....»

— А росчерк, росчерк буде?—волнуется он.

— Будет.

— Длинный. Длиньше, чем у Козолупы.

Художник шмыгает многозначительно:

— Гм-м... Козолупа-то, может, за один росчерк пять фунтов сеянки прибавил.

— Да боже-ж мой. Да разве ж мне жалко? Да берить хоть десять хфунтов, только хвист похитрей заверните...

За окном на завалинке монотонно гудят новые заказчики.

Через час Задерживостенко, бережно пряча за пазуху завязанное в «плат» драгоценное клише, вихрем вскакивает в «тычанку», гаркует на добрую пару и гремит колесами по пыльному шляху.

А вечером, в своей «канцелярии», громко щелкает печаткой, ставя подписи всюду и восхищается громко:

— От шо значить наука. Электрификация, тай годи.

— Сехлета-арь. А ну напишите еще якунибудь гумагу, до кого-нибудь... Я ее подписну зараз...

И щелкает до ночи, бумажку за бумажкой.

Через месяц все окрестные «исполкомы» подписывались как один, «машинками», с хвостами и загогулинами.

Переписка меж уездом и станицами, и даже просто меж станицами, распухла в сто раз.

А у хитроумного художника тоже распухли щеки и мучные мешки с гонорарами.

Леонид Саянский.

Последнее утешение.

Рис. М. Черемных.

С русской калошей, появившейся на зарубежных рынках, местная калоша не в состоянии конкурировать.

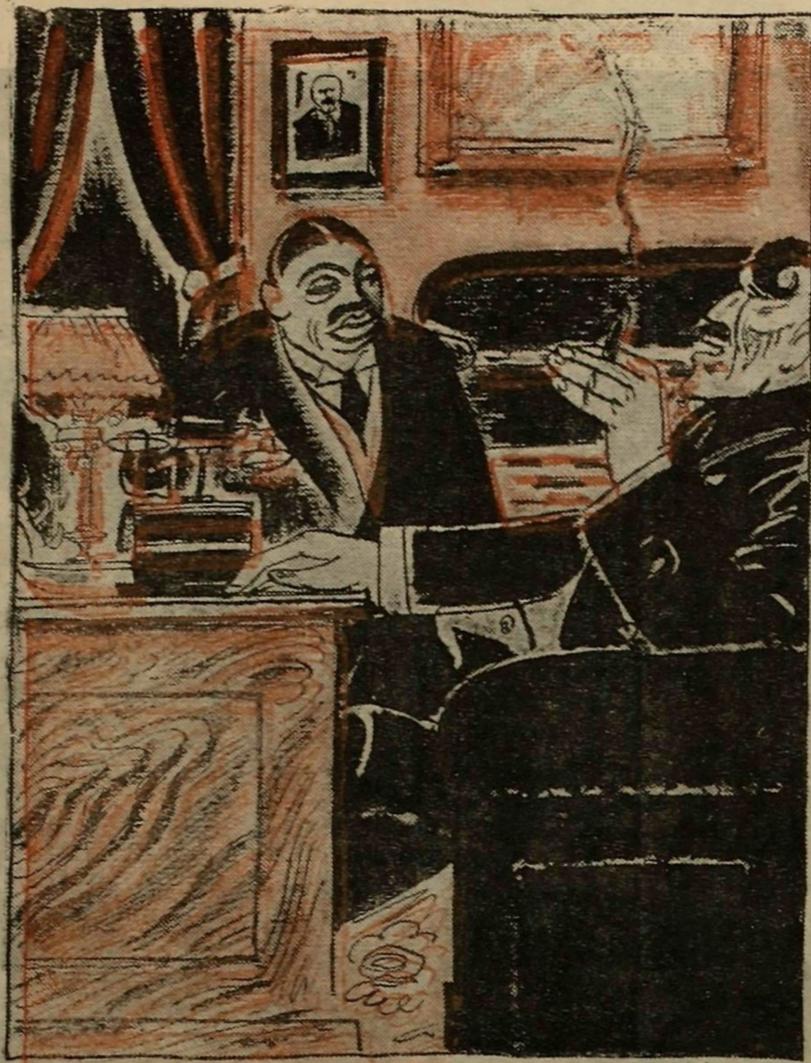

ЗАГРАНИЧНЫЙ БУРЖУЙ:—Наконец-то я нашел способ втоптать в грязь эти ненавистный мне серп и молот!..

Накладные расходы.

Товары очень дорожают, вследствие накладных расходов,

Рис. Д. Мельникова.

„Рабочий“ кабинет.

„Собственный“ автомобиль.

Лишняя секретарша.

Деловой ужин.

Просим товарищей сообщить, какие еще виды накладных расходов им известны.

Американский сенатор „среди боль

Нью-Йоркская газета «Таймс» ошиблась: на самом деле «большевистских агентов» было не 15.000, 150.000.000. Мы даем здесь Советуем газете «Таймс»

«Большевистских агентов».

«15 тысяч большевистских агентов мобилизованы специально для того, чтобы вводить в заблуждение американских сенаторов; они постоянно окружают сенаторов и не позволяют им соприкоснуться с подлинными рабочими и крестьянами.» Из Нью-Йоркской газеты «Таймс».

Этот фотографический снимок, хотя—по техническим условиям—мы могли заснять лишь незначительную часть «большевистских агентов» печатать этот «редкий» снимок...

История одного дома.

(В документах).

Дом на Малой Лубянке 16, переходит из рук в руки.

I.

Акт. Я, нижеподписавшийся, 30-го марта сего года дом № 6 по Артельному пер. у тов. Чижики принял. Считаю нужным отметить антисанитарное состояние дома, что является недопустимым злом в Республике труда. Передал: Чижики. Принял: комендант Главсмази Гололобов.

II.

Объявление. Товарищи и граждане! Чистота—залог здоровья. Долг каждого честного гражданина и сотрудника следить за благосостоянием дома. Нетрудящийся да не ест!
Комендант Гололобов.

III.

15 августа 1920 года. **Заключение жилищной комиссии Главсмази.**

Сего числа обвалились от невыясненных причин шесть потолков в квартирах, кроме того неизвестными злоумышленниками сняты с петель четыре двери, расколотые на мелкие дощечки и сожженные в печке хозяйственного подвала. Одновременно исчезли из дома все ванны и дверные медные ручки. Центробамбук дольше в этом помещении оставаться не может; Комиссия предлагает передать дом под общежитие сотрудников Центробамбука, а учреждению переселиться в новое помещение.

Резолюция Начглавсмази:
Утверждаю.

IV.

Докладная записка жильцов дома, сотрудников Главсмази, начальнику Главсмази.

Доводим до вашего сведения следующие безобразия:

1) Назначенный вами комендант Удочкин в первый же день по вселении в наш дом подал заявление о том, что по профессии не комендант, а музыкант, и просит откомандировать его в консерваторию. Нам в частном разговоре Удочкин сознался, что согласился стать комендантом только потому, что не мог иначе получить комнаты.

2) Второй комендант Дозоров вселился в дом, собрал деньги за воду и отопление за три месяца и... уехал в Крым. Его жена объяснила, что у мужа слабые легкие.

3) Третий комендант Чижики снова собрал деньги, пени и плату за отопление, а затем приступил к ремонту. Мы были счастливы, что наконец в доме появился дельный человек; он отремонтировал себе квартиру, а на остальной ремонт, как он нам передал, де-

К конкусу на совдурака.

Рис. Д. Мелникова.

КРОКОДИЛ:—Товарищи читатели! В прошлом номере вам был показан совдурок с лицом, закрытым руками; здесь вы видите совдурака с повязкой на глазах. Но никакие маски, никакие повязки совдуракам не помогут: в свое время Крокодил их покажет во весь их совдурочный рост!

нег не хватило. Когда мы его упрекнули в этом, он оскорбился и заявил, что больше комендантом быть не желает.

Сейчас у нас в доме проживают десять бывших комендантов и занимают лучшие квартиры, а мы сидим без воды в холоде и убедительно просим вас ассигновать средства на устранение повреждений в доме, причиненных назначенными вами комендантами.

Следуют 98 подписей.

V.

Резолюция Начглавсмази.
Никаких денег не давать. От дома отказаться вообще, о чем довести до сведения жильцов.

VI.

Протокол организационного собрания жильцов № 6 по Артельному пер. от 3-го февраля 1923 года.

С л у ш а л и:

Об организации жилищного товарищества в виду отказа Главсмази от дома.

П о с т а н о в и л и:

Таковое организовать и присвоить ему название: «Общежитие бывших комендантов». Со всех жильцов взимать тройную квартирную плату, для погашения старых долгов до 1 января 1924 г.

VII.

Постановление архитектурной комиссии МКХ.

Всех жильцов № 6 по Артельному пер. выселить в 48 часов, в виду того, что означенный дом, вследствие ветхости, грозит обвалом.

9-го мая 1923 г. Архитектор (подпись).

Документы собрал

И. Амский.

„РЕВИЗ Я ИНКОГНИТ“.

Члены особой назначенной для обследования комиссии объезжали железные дороги в качестве частных граждан, не открывая своих чинов и званий.

(Из Полтавских газет).

Установив признаки взяточничества, члены комиссии подошли к начальнику станции и спросили: — Скажите а где у вас тут «тройка».

— Троек у нас, кажется, нет... — ответил тот. — Парные есть с пристяжными, одиночки...

— Нет, мы спрашиваем о «тройке по борьбе со взяточничеством».

— Чего,—переспросил начальник, ставший вдруг немного «туговатым на ухо».

— «Тройка по борьбе со взяточничеством и хищениями» есть у вас?

— Нет... Такой нет...

— Тогда позвольте—мы занесем этот факт в жалобную книгу... — сказали члены комиссии.

— Знаете... ключ утерян от копторки...

— Да зачем нам ключ. Ведь вам известно, что копторки эти всегда эперты...

— Собственно говоря, неключ...—поправился начальник, — а у нас тут, для внутреннего рас-

порядка, знаете, установлены некоторые формальности при записи жалоб...

— На основании чего это?—удивились жалобщики.

— Вам, может, ферточку открыть. Тут ушно, каже т е л а... — опять вместо ответа презизнес начальника.

— Вы нам еще про погоду расскажите,—невольно улыбнулись члены комиссии.—Ну, а сколько же, предположим, времени заняли бы все эти формальности?

— Да около получаса.

— Как же так. А поезд стоит четверть часа.

— А это уж... извините, хе-хе-хе, нас не касается... Да, вероятно, и не стоит жалобу-то подавать... Пустяки какие-нибудь... хе-хе-хе...

— Какие же пустяки. Ведь мы же относительно «тройки»...

— Да, вас... все тройка эта... А меня знаете-ли... семерка и туз подвели...—снова попытался «заговорить зубы» начальник станции.

— Может, у вас еще тут «дамы замешаны», или кто-нибудь из вас «короля себе ожидает»?—сказали члены комиссии и, раскрыв свое инкогнито, составили протокол...

Аргус.

Горе от деликатности.

В Ростове - Ярославском придумали оригинальный способ борьбы с матерщиной: замеченному в употреблении матерщины присуждается от 2-х до 6-ти нарядов на каланче.

Рис. М. Черныш.

ДЕПУТАЦИЯ РОСТОВЦЕВ: — Уважаемые пожарные! Хоть-бы кто-нибудь из вас «выразился»! А то город горит со всех сторон, а на каланче ни одного человека!

ПУПСИК И КОТИК.

Он назвал ее Пупсик, а она его — Котик. Котик и Пупсик жили в доме-коммуне, занимая одну комнату в квартире № 16. Жили себе на радость и счастье.

Котик по утрам ходил на службу, Пупсик же до 12 часов сладко почивала, а в остальное время дня подводила глазки, брови, красила свои бархатные губки и обильно занималась уничтожением гастрономических яств.

— Бедненькая — говорил Котик, возвращаясь со службы, — ведь ты так устала...

— Я ужасно утомилась. Целый день на ногах.

Котик сочувственно вздыхал и приступал к приготовлению обеда.

Пупсик была кругла, как столетний дуб. Котик же своей фигурой и всей внешностью напоминал глиста.

— Почему ты так мало ешь? — говорил Котик за обедом, когда Пупсик одолевала третью тарелку супа.

— Совершенно не могу есть. Усталость сказывается.

Ежедневно после обеда Пупсик вынимала из туалетного столика пять червонцев и при помощи Котика делала вычисления.

— Дорогой Котик, угости меня сегодня тортом, так как я заработала пятьсот миллионов на червонцах.

Вечером Котик и Пупсик играли в шашки, пили чай с тортом и

читали отдел происшествий в «Известиях».

После перечисленных культурных развлечений Котик готовил почную вазу и утомленные дневными впечатлениями они быстро засыпали.

Так проходила радостная жизнь Котика и Пупсика.

Соседи по комнате не дружили ни с Котиком, ни с Пупсиком.

Соседи-комсомольцы — в душе смеялись и добродушно подтрунивали над цошло-обывательской жизнью.

А Котик и Пупсик со своей стороны называли их хамами, недорослями и некультурными.

В один из мирных вечеров в комнату к Котику неожиданно постуча-

лись комсомольцы и сообщили об ужасной катастрофе в Японии.

Котик и Пупсик были так потрясены этими известиями, что забыли о своем неприменном занятии — игре в шашки. Весь вечер они волновались и скорбели по поводу того, что живут они на восьмом этаже.

В доме-коммуне заседали и вырабатывали меры помощи пострадавшему от катастрофы населению.

Деятельно работали комсомольцы, производя сборы среди жильцов. В порядке очереди они явились в Котику и Пупсику. Котик и Пупсик были возмущены подобным нахальством.

— Мы не можем жертвовать... Муж лишился части своей работы и мы отказываем себе даже в торте, — волновалась Пупсик.

— А чем мы сами гарантированы от катастрофы? Вчера землетрясение в Японии, а там, смотришь, и у нас. А ведь мы на восьмом этаже живем, — резонно доказывал Котик.

— Нас из списка вычеркните, — хором заявили Котик и Пупсик.

Комсомольцы ушли, а Котик и Пупсик с этого момента потеряли свое спокойствие.

— А что, если у и нас произойдет то-же?

— Все может быть, все может быть, — соглашалась Пупсик. — Ведь ты помнишь Помпею? Ах, что тогда делалось, ужас!

— Наше положение надо обдумать серьезно, — говорил Котик.

Всю ночь они не спали, предаваясь самым мрачным мыслям.

К утру было выработано совместно мудрое решение: заблаговременно перебраться в нижний этаж, чтобы предохранить себя от опасности.

Поданное в домоуправление заявление гласило:

«С детства будучи подвержена интимной сердечной болезни, а также находясь в стадии биологического развития в организме и сильно страдая вследствие этого от самоподымания на седьмой этаж, имею честь просить вас о переводе меня с моим мужем в первый этаж».

Переезд был разрешен.

Волнения Котика и Пупсика этим бы и ограничились, но японская катастрофа разрасталась, а вместе с нею снова начало назревать беспокойство в сердцах Котика и Пупсика.

— А ведь мы и здесь в такой же опасности, как и на восьмом этаже! Если по примеру Японии и у нас что-либо случится, то все восемь этажей обрушатся на нас и тогда мы погибнем.

Беспокойство росло. Нормальная жизнь была нарушена. Пупсик волновалась, нервничала, ударялась в слезы и, наконец, слегла. Вызванный врач констатировал расстройство сердечной деятельности.

Через два дня Пупсик скончалась. Горем разбитый Котик объявил бойкот всем газетам, которые были причиной смерти Пупсика.

Суровый, замкнутый, одинокий Котик по вечерам садился за стол, раскладывал тетради и собирался, как он говорил, писать книгу под названием:

«Две катастрофы»... О. Дэйви,

ПРЕДКИ.

«перешные капиталисты, сколачивавшие деньги скупкой скота в голодающих губерниях, преисполнены желания сменить своих бабушек и дедушек,—содержателей трактиров, торговцев поношенным платьем и пр.,—на более возвышенных предков.

Зачастую портрет какого-нибудь никому неизвестного благообразного старца, неважно намалеванный неизвестным художником, становится предметом ожесточенного аукционного боя.

Капитон Иванович Самоплюев заключил выгодную сделку и пригласил новых знакомых на новоселье.

Народу собралось немного, но зато народ отборный: управдел, юриконсулы, заведомы треста и другие полезные люди.

Гости скучая осматривали новую квартиру, обставленную с роскошью: стильная мебель, ковры, картины, портреты.

Из портретов выделялся огромный портрет генерала в лентах и орденах с короной над головой.

Песенка кресткора.

На рязанском съезде рабочих и крестьянских корреспондентов последние жаловались, что кулаки-хозяева доходят в борьбе с ними до мордобоя.

КРЕСТКОР (поет и пишет).

«Тут поглажу против шерстки я,—
Каждый лезет с куланом.

В. I ты, жизнь моя кресткорская!
Горе тем кто в ней знаком!..»

— Это кто же такой, Капитон Иванович?

Капитон Иванович замялся, но вынул маленький седенький старичек, который всегда вертелся около Самоплюева:

— Это немецкого кесаря портрет... И увидев по лицу Капитона Иваныча, что можно продолжать, сказал:

— Ежели вам доложить, то Самоплюевы, по-старому,—извините, теперь это не считается,—а по-старому столбовые дворяне... При царе Алексее посадский Илья Воробей вотчину получил и на воеводство поставлен с прозванием Самоплюя и оттого Самоплюевы пошли...

— За что же он вотчину получил?—заинтересовались гости.

— А вот-с как—продолжал старичек, изредка поглядывая на Капитон Иваныча—был Илья Воробей молодцом в мясной лавке—а они как торговли не было, соберутся да на базаре в плевки играют—и никто на всем базаре супротив Ильи идти не мог. Играли это они

таким родом и приходит туда царский окольный со стрельцами. Показал на Илью:

— Взять его!

Илья, как водится, в ноги, а тот ему:

— Ты дурак!—тебя сам государь во дворец требует!

А в то время приехали к царю из немецчины шуты знатные театр представлять—умели из уха горох выращивать и съеденный пирог из зада, извините, целым вытаскивали. Царь-то смотрел-смотрел, да и думает: надо и мне заграничных мастеров удивить.

Приводят Илью—царь и говорит немцам:

— Попробуйте с этим пареньком в плевки сыграть..

А они и игры такой не знают! Им, конечно, объяснили, они и говорят:

— Это всякий может!

Палаты у царя огромные, поставили их у стены—а на стене насупротив портрет немецкого кесаря... Немцы начали—и до стены не смогли доплюнуть—а Илья как натужился, да прямо немецкому кесарю в физиономию... Тут царь в ладоши захлопал:

— Ловко,—говорит,—ты их—жалую тебе вотчину и шубу с моего плеча, только ты называйся вперед не Воробей, а Самоплюй... И портретик на память дали...

Гости заинтересовались портретной галлерей: полюбопытствовали.

— А это кто же? Ваши предки, Капитон Иваныч?

Капитон Иваныч гордо молчал—старичек опять нашелся:

— Как же, как же-с... Вот дедушка Капитон Иваныча в Севастопольской войны рук и ног лишился, вот батюшка Капитон Иваныча.

Один из гостей долго всматривался в портрет «батюшки» Капитона Иваныча, а потом сказал:

— Кажется, я где-то это лицо видел...

— Немудрено-с, засуетился старичек—большой славой пользовались и не только у нас в Ростове, а и по всей России с... Замечательная личность-с...

— Да и эти на кого-то смахивают—сказал другой гость, показывая на дедоз и прадедов Самоплюева...

Сидевший в уголку молодой секретарь засуетился и выскочил вперед:

— Да это добровольческое командование... Колчак, Деникин, Каледин... Эти портреты, я помню, в Ростове в городской думе висели..

Что случилось с Капитон Иванычем, трудно и вообразить! Он с кулаками набросился на седенького старичка:

— Ты что это, мерзавец! Я тебе деньги платил, а ты что мне подстроил! Осрамил! Весь мой род опозорил, чортова голова!..

Старичек и гости быстро удалились из квартиры.

— Снять их! Снять!—кричал Капитон Иваныч прислуге—На помойку, чтобы духу не было! В контр-революцию попадешь... То же—я, говорит, тебе таких генералов привез, а вот какие генералы!

Портреты сняли, сложили в кучу на полу. Но увидя, что прислуга хочет выносить их, Капитон Иваныч закричал:

— Погоди, погоди! За них тоже ведь деньги заплачены! Позови маляра, вели этим анафемам рожи перекрасить!

Матвей Кресткор.

ВАЖНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ.

Редакции газет заваливаются корреспонденциями на мелкие личные темы.

Он боязливо оглянулся и на цыпочках подошел к столу, за которым я работал. Вся его грузная нескладная фигура и белесые широко открытые глаза на плоском круглом лице выражали смертельный испуг.

— Скажите товарищ, здесь редакция?

— Здесь! В чем дело?

— Вы секретарь?

— Да. Я.

Он покосился на сидящего рядом фельетониста и произнес взволнованным шопотом:

— Видите-ли, я бы хотел наедине... втайне....

— Хорошо, пройдемте в соседнюю комнату.

Плотно закрывши за собой дверь он спросил:

— Товарищ, а вы действительно секретарь? Вы не обманываете меня?

— Да нет! Я же вам сказал!

— А все-таки... Я, конечно, извиняюсь... Может быть, вы покажете мне удостоверение. Я бы вас очень попросил.

— Пожалуйста. В чем же дело?

— Видите-ли... Вы простите меня, что я так недоверчив. Но, откровенно вам признаюсь, боюсь! Боюсь, гонимаете-ли!

— Чего-же вы боитесь?

— Печати боюсь. Вот вы приглашаете: пишите, пишите. А я боюсь. Ведь у меня жена, дети...

— Ну и что-же?

— А вы думаете мне не надоело голодать?

— Думаю, что надоело!

— Вот то-то и оно!

— Товарищ! Видите ли, я спешу! Вы принесли что-нибудь? Заметку?... Будьте уверены, мы сохраним вашу фамилию в тайне!

— Знаем мы эту тайну! Кому нужно, все равно узнает. А тогда кто отвечать будет?

— Мы возьмем на себя вашу защиту. Вас никто не смеет тронуть. Говорите, в чем дело?

— Что там ваша защита? Знаем мы эту защиту!.. Толкайся потом по судам, да по комиссиям. Подметок одних сколько изведешь.

— Да что у вас за дело такое? Что-нибудь очень громкое? Уголовщина? Тогда обратитесь прямо к прокурору!

— Видите ли, я думал об этом. Но, во-первых, там еще меньше шансов на то, что меня не откроют. Будут вызывать свидетелем. А потом—прокурор работает беззвучно, а мое дело требует громогласности. Вот я решил к вам... Осмелился...

— Так говорите же! Я вам обещаю полную тайну. Ваше имя нигде не будет упомянуто! Говорите! Или если вы уже так боитесь—то не отвлекайте меня от работы! Стыдно, товарищ, так трусить! Ведь пришли же вы сюда! Вас никто не тащил!

— Ради всего святого, не сердитесь. То, что я пришел—еще ровно ничего не значит. Я могу и уйти. Но только, товарищ... я, пожалуй, все-таки, расскажу...

Я верю, что вы меня не предадите. Ведь правда? Вы можете мне поклясться... ну, не богом... вы бога не признаете... ну, Советом что-ли?... А?

— Будете вы говорить или нет?!

Я сделал движение, чтобы уйти. Он схватил меня за руку и зашептал:

— Хорошо... Будь, что будет! Я скажу! Все равно! Видите-ли, я служу в Сахаротресте...

— Ну?

— Служу я регистратором в Сахаротресте.

— Ну?!

— И есть у нас там делопроизводитель. Фамилия его Курочкин... Только вы не пишете Курочкин, а просто К. Так вот этот делопроизводитель каждый

день уносит домой по целой дести бумаги и кроме того ручки, перья, карандаши, блокноты... Даже... даже чернильный прибор унес...

— И это все?

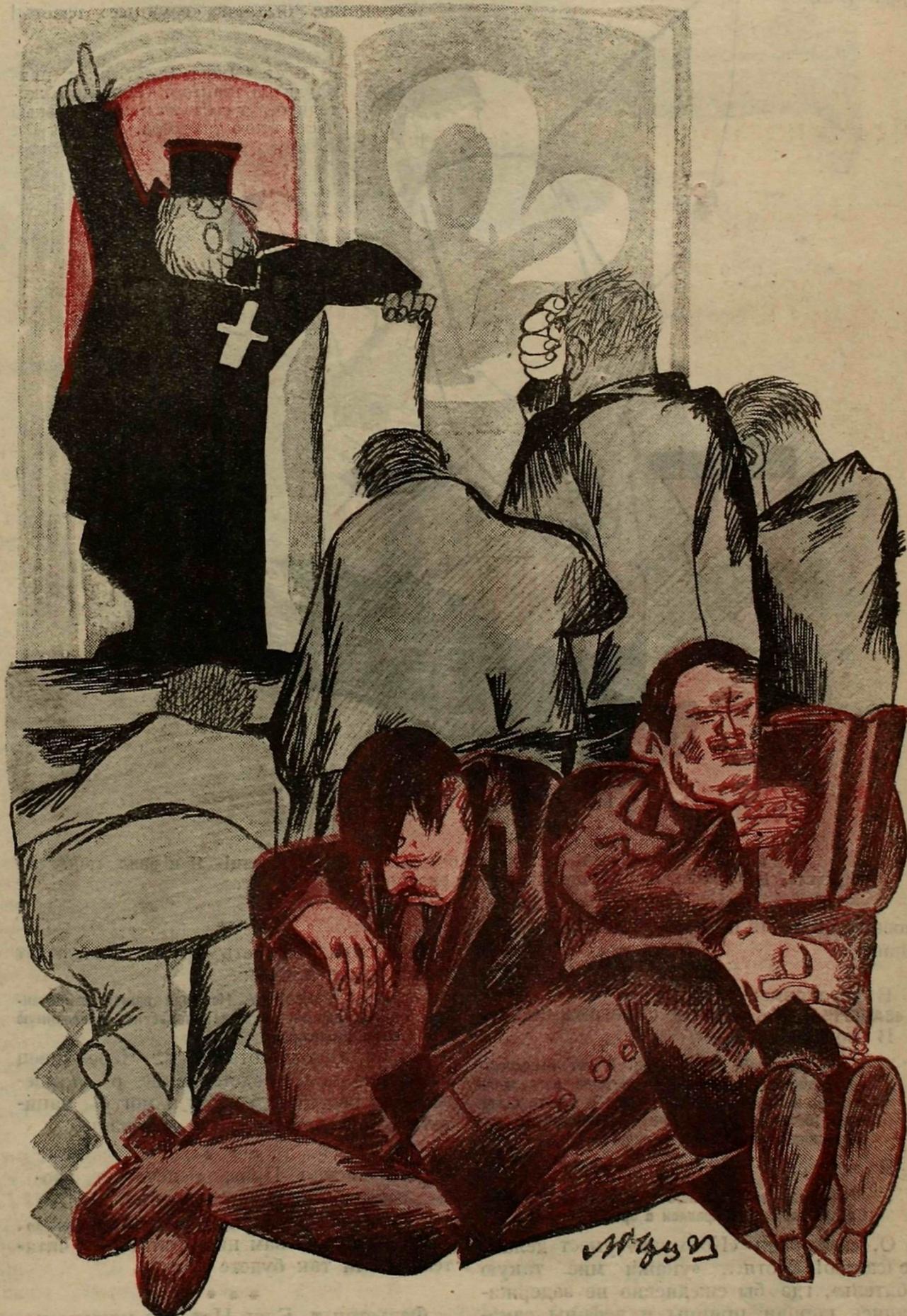
— Нет, не все, постойте. Этот Курочкин был вчера у меня в гостях, ухаживал за моей женой и сказал ей при мне: «Если ваш муж нам будет мешать,—я с ним разделаюсь». Вы понимаете? «Разделаюсь»? А у нас намечено сокращение штатов! Вы понимаете теперь? Так и назовите заметку: «Расхититель и развратник». Или нет. Просто: «Гнусный развратник». Хорошо? Только обязательно одну букву К. И никакой подписи. Иначе вы меня убьете!!!

В. Кумач.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВИННОСТЬ.

Рис. М. Черемных.

В Белграде для студентов, ушедших вместе с белыми, введена не только воинская, но и религиозная повинность. Молебствия обязательны для всех студентов под страхом лишения их... бесплатной квартиры.

СТУДЕНТЫ (молятся):—Боже, храни мою комнату!..

ШКЛЫ ИЗ РСЗ.

Пермская «Звезда» описывает местный парад пожарников. Хорошо описывает. Трогательно описывает:

«На площади бегут мутные потоки. Толпа поспешно убирает ноги. Мчится автомобиль. За ним—серые красивые лошади, линейка, бочка, складная лестница. Звенят колокольчики, блестят каски, развевается знамя. Играет оркестр. Живой, яркий, грохочущий, блестящий круг на площади. Толпа замерла:
Летит серая тройка. Твердо, сильно держит возжи старик-пожарник, как богатырь русских былин: седая широкая борода, ярко блестящая каска—шлем и серые рвущиеся кони, сдерживаемые сильной рукой».

Нетрудно догадаться, что редакция газеты держит возжи не твердо и не сильно, это даже его молоденький сотрудник,

Рис. М. Ч.

К ст. Самара С.-Зл. ж. д. прибудил трактор. Окрестные жители берут себе «на память» разные части этого трактора.

«Гудок».

Ах, какие бывают «трудные» газеты!

— Что это у тебя, милый?
— Гайка. С трактора. Стоит он тут без дела который месяц! Я и взял гайку на грузило. Все равно, зря пропадает. А тут она при деле!

позавидовавший по молодости пожарному, знает.

В заголовке:
«ЗАДЕРЖАНИЕ «КОРОЛЯ САМОГОНЩИКОВ».

В подзаголовке:

«Неуловимый самогонщик. 5 лет непрерывной работы. Ежедневно самогонка изготовлялась по несколько ведер. Обыски у самогонщика были безрезультатны. Вчера гормилицией самогонщик задержан с поличным».

В тексте:

«Король самогонщиков свою карьеру закончил. Он арестован и направлен в арестный дом».

О, самарская «Коммуна» умеет делать сатиру! Хотя... «укажи мне такую обитель», где бы ежедневно не задерживались короли, принцы и дофины самогона?

Томское «Красное Знамя» понимает, что читателю - рабочему трудно переваривать иностранные слова и потому популяризирует их. Например, заголовок:

«Воспитание» трудных «детей».

А под заголовком маленький период:

«Задавшись целью ознакомить широкие круги населения с вопросом детской дефективности, я высказал в предыдущей моей статье предположение, что в детдомах для дефективных детей, вероятно, сгруппированы не только нравственно дефективные, для которых собственно и назначены эти специальные детдома, но и дети, отличающиеся только некоторой неуравновешенностью, просто нервно-больные и, наконец, здоровые попавшие туда случайно, вследствие недостаточной постановки отбора дефективных детей, когда дефективность ребенка определяется только указанием воспитательницы, часто недостаточно знакомой даже с термином «дефективности» и считающей всякое неповиновение ребенка режиму проявлением дефективности или психического расстройства».

Ах, какие бывают «трудные» газеты!

в «Сибирском Гудке» начинается такой популярной фразой:

«...Нет упоительнее сказки, чем та, в которой говорится про дерзость Икара, возмечтавшего обнять облака».

Можно себе позволить смелость предположить, что читатели «Сибирского Гудка» — стрелочники и смазчики — не знают этой упоительной сказки, но зато, тов. Блок-Нот, с тов. Икаром как — на короткой ноге?

«Тверская Правда» подняла вопрос об отводе б. тюрьмы под квартиры:

«Нельзя ли использовать сожженную тюрьму у Петроградской Заставы. Конечно, только не под тюрьму, а для более существенного и необходимого. Ведь домина-то огромный, много семей можно было бы отремонтировать в нем разместить».

Поддерживаем эту идею. Но пребываем в недоумении: почему эти много семей для того, чтобы быть размещенными в огромном домине, должны быть предварительно отремонтированы?

Кременчугское «Дело Революции» информирует население:

«В открытом Кремкрздравом окружном венерологическом диспансере ежедневно принимаются больные врачами специалистами по болезням кожи, венерическим и сифилису для всех без исключения граждан».

Несчастный город, «все без исключения граждане» которого нуждаются в венерологах!..

Крупная неприятность случилась с газетой «Красный Балтийский Флот». Редакция даже вынуждена была дать поправку:

«Во вчерашнем № 191—665 в приназе Пубалта, помещенном на 4-й странице (внизу) напечатано: «Помначпубалта Даля», следует читать: «За Помначпубалта Даля».

За такое «за» у редактора подчас сильно портится настроение 4-й.

ВИЛЫ В БОК.

Несметная смета.

Хорошо составленная смета—первый залог хозяйства. Карольский Наркомзем усердно следует этому мудрому правилу. Вот какую смету представил он на 1924 год:

На оплату пакетов для Н-комзема 120 тыс. руб., исходя из расчета 100 платных пакетов в день, или 30 тысяч в год. На разъезды: Начальн. Управл. лесами: а) на 12 командировок в год по 20 дней каждая — 240 дней, б) на 15 команд. по 10 дней кажд.—150 дней, а всего — 390 дней в году, при оплате с версты (на лошадях) 35 коп. золотом. То же Инспектору лесов: а) на 12 командировок по 15 дней каждая—180 дней, б) на 20 командировок по 10 дней каждая — 200 дней, а всего 380 дней при той же плате с версты. Тоже самому Наркому: а) на 6 команд. по 20 дней каждая—120 дней, б) на 6 поездок по 15 дней каждая — 90 дней, в) на 12 команд. по 12 дней каждая—144 дня и 4 команд. по 10 дней каждая—40 дней, а всего 394 дня при той же плате.

Что Карельский Наркомзем будет получать 30.000 пакетов,—это еще возможно, ведь присылали же к Хлестакову 35.000 курьеров. Но как Нарком ухитрился из 365 дней в году выкроить 394 дня, это—тайна. Вот у кого надо поучиться Лиге Времени!

Иркутская «Власть Труда» дает ответ в почтовом ящике:

«ЧЕРЕМХОВЦУ. Не зная вашей компетенции, редакция не может поместить присланную вами рецензию».

После такого ответа т. Черемховец имеет полное представление о «компетенции» редакции газеты и мог бы написать о ней заслуженную рецензию.

«Тамбовская Правда» печатает громкими буквами объявление:

«Тамбовской Правде» требуются агента. Не придут к вам ни «агента», ни читатели, если так будете писать.

Фельетон т. Блок-Нот под мягким поэтическим названием «Замахнулся — бей»

Чистильщики.

После ликвидации Николаевской губ., г. Николаев превратился в окружной центр. На освободившуюся вакансию Заватуправа был командирован из Одесской губ. Воробьев, в свое время владелец нескольких парусных судов в Черном море.

Почувствовав себя хозяином города, Воробьев повел наступление на нэпманов-рестораторов, у которых он каждый день кутил, за что находил нужным не платить и даже получал «жалованье» за посещение. Кроме того, он не забывал и государственные интересы.

Часть из обнаруженного в свое время скрытого во дворе бывшего Купеческого собрания капиталистами золота, он выделил себе.

В заключение героя призывали к порядку. По снятию Воробьева был прислан новый хозяин города, Коваленко.

9-9—23 г. в один прекрасный солнечный день Коваленко, проходя по главной Советской улице, обратился к чистильщику сапог. По окончании чистки, он предложил чистильщику 25 р., но последний заявил, что такая чистка с лаком стоит 75 руб. Коваленко вынул 75 р. и сказал: «Больше вас здесь не будет».

После этого явился Начокрмилиции с нарядом милиционеров, и началась погоня за рабочими-чистильщиками. Победа осталась на стороне администратора, а чистильщики позорно сдали свои позиции.

Опомнившись от нанесенного им удара, последние начали искать выхода из положения. Случайно направлялся в столовую обедать прокурор. Чистильщики со своими ящиками и щетками направились туда же для переговоров и для улаживания вышеуказанного конфликта.

Какой характер носил этот интимный разговор—нам неизвестно, но спустя некоторое время Начокрмилиции получил от «администратора» служебную записку, в которой, впредь до выяснения вопроса о чистильщиках, предлагалось дать им возможность работать.

Население Николаева, наблюдавшее за генеральным сражением чистильщиков с милицией сочувственно отнеслось к мероприятиям «администратора» и высказывает свое мнение, что администраторы не только не платят за чистку сапог, но это входит в систему обычного явления при всяких покупках.

Николаевцы.

Рис. Д. Мельникова.

Пьяная геология.

— Что за черт! Земля качается и вон человек в яму попал!..

— Во-первых: это не яма, а Фудзи-Яма, а во-вторых: это — отголосок японского землетрясения!..

Мокшанские герои.

Дорогой Крокодил!

Помоги ты нам своими острыми вилами проткнуть наших толстокожих «Мокшанцев». Есть у нас такие «ловкие люди», которых местные вилы никак не берут.

Один из них б. Зав. УОНО, ныне ОНО, Тутолмин тратил на ремонт своей квартиры и чуланов деньги и получал раньше всех своих сотрудников ответственную ставку и разные пособия (он в июле только к нам пожаловал из Керенска), а шкрабы до сих пор не могут получить жалованья за июнь; обставился «со вкусом» мебелью, взятой из отдела и школы-коммуны, и по старой памяти не может ходить пешком, а ездит на экипаже, конечно, не на своем.

Второй «ловкий человек» — б. зав. снабжением УОНО Садяев, ныне делопроизводитель ОНО, любит очень хозяйство, как свое так и казенное, и часто забывает между ними разницу. На недочеты в казен. хоз. не раз составлялись акты, которые куда-то исчезли.

Он же кормил ребят школы коммуны тухлым мясом, за что местный УИКОМ был уволен но... поныне состоит при ОНО. В бытность его Зав. шк. он откармливался сам и откармливал свою скотину за счет «остатков» школы, а при сдаче должности, опять были акты.

Почти все это писалось в местной «Трудовой Правде» и не опровергалось этими «ловкачами», да и не действует на них, и они попрежнему плюют на всякие писания и в ус себе не дуют. Научи, Крокодил, как их пронять и расшевелить

Твой Мокшанец.

Пополам.

Тов. Крокодил, мы, чернорабочие биржи № 4, работавшие на Всер. с.-х. выставке, приносим тебе жалобу.

Оба мы—деревенские люди не знаем, куда и што; кто побойчее, да погорластее—получили расчет, а нам все говорят «приходите завтра», а денег не дают.

Так вот мы тебя, тов. Крокодил, просим получить нам деньги. Возьми себе половину, а то у тебя мотора не хватает, к аэроплану. Получай за все, что следует нам.

1) За трамвай за каждый день, который мы работали, за весь август месяц.

2) Прогульные дни Силкину за 25 дней и мне, Калинину, за 1 месяц.

3) И выходные за две недели вперед, а то всем, кто работал 2 месяца, дают выходные за 2 недели.

Если получишь, то бери половину на аэроплан, а половину отдай нам.

С почтением к тебе

Ник. Калинин.

Пав. Силкин.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Рыбьеву.

«У Иговы рожу вздуло.
На мамашу блажь нашла,
Точно где-то их продуло
Иль в раю болезнь пошла».

Выражаясь вашими словами, вы слишком «распросвещены».

Б. Т—ну. «Он поспешил снять со стены барометр и начал им измерять температуру»...

От такого юмора не только Крокодил — и лошадь заплачет.

ПРОВИНЦИЯ.

Саматы—П, Мехеда. Присылайте фактический материал.

Полоцк—Васильчикову. Тов. Васильчиков прислал нам «историю города Полоцка». Вот она:

...«Тут и дамочки одеты
В юбках, шляпах, как кадеты,
И чарующие глазки,
Словно ангельские сказки,
Как эссерские мечты»... и т. д.

Большое спасибо за присланное. Ждем еще.

Озеры (Колом. у.)—Ф. И. А—у.
«У меня драма «Коршуны и вороны», но лежит под спудом. Если хотите, пришлю».

Послушайте, нельзя же до бесчувствия. С нас и ваших стихов достаточно.

Усолье—Б—ру.

«Нет в кармане ни рублишка,
Зато совесть, как алмаз.
Всей зарплате моей крышка,
Ну и жертвовать—шабаш».

Имея такую «алмазную» совесть, вы бы хоть посостыдились послать нам такие стихи.

Гулай-Поле—Семешко, Сердобск—Спектору, Челябинск—Нудинову, Баталпашинск—Нанту, Чебоксары—М—у, Пенза—Масленникову—не пойдет.

Тамбов—Намо. Ждем дополнительного материала. Присланного недостаточно.

Редактор—Ред. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

ЖРОКОДИЛ

Успехи кооперации.

Рис. Т. Моора.

В сельских лавках ЕПО часто продается помада и прочая косметика, но нет необходимых в крестьянском хозяйстве предметов, как керосин, мыло, спички, соль, колесная мазь и пр.

D MOOR. 23

БАБА: — Что-ж это ты, батюшка товарищ Хинчук по губам помазал, а в рот не попало? .